

Причинная связь в уголовном праве Франции

Аннотация. Господствовавшая в течение длительного времени при установлении причинной связи теория эквивалентности условий сохраняет свое значение во французской уголовно-правовой доктрине. Вместе с тем вменение физическому лицу причиненных без намерения последствий после реформы 2000 г. ставится в зависимость от того, была ли причинная связь прямой или не прямой. В случае не прямой причинной связи уголовная ответственность физического лица наступает лишь при наличии квалифицированной вины, которая может быть либо смешанной виной, отвергнутой российской доктриной, либо особой упречностью деяния уже при его совершении. Для российского правоведения французский опыт может быть полезен в контексте дифференцированного понимания причинной связи при прямом умысле и иной вине, а также в том контексте, что теория эквивалентности условий недостаточна для установления значимой для уголовного права причинной связи. Представляет теоретический и практический интерес и реализованная во Франции возможность урегулировать вопрос о причинной связи законодательным путем.

Ключевые слова: уголовное право; причинная связь; метод исключения; вина; квалифицированная вина; ответственность; сравнительно-правовое исследование; Франция; Россия; Англия.

Для цитирования: Клепицкий И. А. Причинная связь в уголовном праве Франции // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 3. — С. 174–185. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.148.3.174-185.

Causation in French criminal law

Ivan A. Klepitskiy, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor, Department of Criminal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
iaklepitskij@msal.ru

Abstract. The *sine qua non* theory, which dominated for a long time to determine a causation in the French criminal jurisprudence, remains working now. At the same time, the imputation to an individual of consequences caused without intention after the reform of 2000 is made dependent on whether the causation was direct or indirect. In the case of indirect causation, the criminal liability of an individual occurs only in the presence of qualified guilt, which can be either mixed *mens rea* (knowledge and negligence in one crime), rejected by the Russian doctrine, or a special gravity of acts at the time when they were committed. For Russian jurisprudence, the experience of France can be useful due to the different understanding of causality in the commission of an intentional crime and crimes with other forms of *mens rea*, and also in the context that the *sine qua non* theory is insufficient to

© Клепицкий И. А., 2023

* Клепицкий Иван Анатольевич, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
iaklepitskij@msal.ru

determine the imputable causation. The opportunity implemented in France to regulate the issue of causation by legislative means is also of theoretical and practical interest.

Keywords: criminal law; causation; bat for test; mens rea; France; Russia; England.

Cite as: Klepitskiy IA. Prichinnaya svyaz v ugovnom prave Frantsii [Causation in French criminal law]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(3):174-185. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.148.3.174-185. (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

Методологический кризис, поразивший российское правоведение после отхода от советской официальной идеологии, основанной на диалектическом материализме, имел следствием, в частности, проблемы, связанные с толкованием правовых норм, в описании которых используются базовые философские категории, что затронуло в том числе и причинность. В теории наметилась тенденция к реставрации учения об эквивалентности условий¹ (необходимого условия, *conditio sine qua non*)², которое ранее в свете теории необходимого причинения критиковалось как основанное не на диалектическом материализме, а на материализме механистическом³. В уголовном праве причинная связь имеет конкретное юридическое значение, будучи признаком состава преступления. Уголовный закон, в том числе и в части трактовки причинной связи, должен толковаться единообразно, а судебные решения должны быть понятными и предсказуемыми. В наше время, когда в России правовая доктрина в части понимания причинной связи стоит на распутье, полезно изучить иностранный опыт. Французская доктрина и практика в этом плане представляет особый

интерес, поскольку учение об эквивалентности условий в них до сравнительно недавнего времени господствовало практически безраздельно, пока в решение вопроса о значении причинной связи не вмешался законодатель⁴.

Реформы

Установление причинной связи в уголовном праве Франции тесно увязано с психическим элементом (*élément moral*) преступления. Вопрос об установлении причинной связи вызывает сложности для ненамеренных (*non intentionnelle*) преступлений, в намеренных (*intentionnelle*) волевая направленность на результат по-прежнему позволяет руководствоваться концепцией эквивалентности условий, в этом случае метода исключения (*sine qua non*) достаточно.

В русской литературе французское *intentionnelle* принято переводить как «умышленное»⁵, что не вполне точно, т.к. это определение корреспондирует не с умыслом в нашем или германском широком его понимании, а исключительно с умыслом прямым, трактуемым при этом уже, чем в российском праве. Французской доктрине

¹ Теория исходит из того, что все условия, без которых последствие не наступило бы, являются причинами, метода исключения достаточно для установления причинной связи.

² См., например: Малинин В. Б. Причинная связь в уголовном праве. СПб., 2000.

³ Курс советского уголовного права : в 6 т. / под ред. А. А. Пионтковского, П. С. Ромашкина, В. М. Чхиквадзе. М., 1970. С. 162, 176, 183, 164.

⁴ О причинной связи в современном английском праве см.: Клепицкий И. А. Причинная связь в уголовном праве Англии // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 10. Планируется в ближайшее время исследование причинной связи в современном уголовном праве Германии и Италии.

⁵ См., например: Крылова Н. С., Еремин В. Н., Игнатова М. И., Серебренникова А. В. Уголовное право зарубежных стран : в 3 т. М., 2022. Т. 2 : Общая часть. Франция. Германия. Италия. Япония. С. 50.

известен косвенный умысел (*dolus eventualis*), но он относится к ненамеренной форме вины со всеми вытекающими из этого последствиями⁶.

Основы французской доктрины виновности и причинной связи в ненамеренных преступлениях изложены в ст. 121-3 Кодекса о наказаниях⁷, претерпевшей уже две серьезные реформы после введения ее в действие. В первоначальной редакции статья устанавливала лишь то, что по общему правилу преступления и проступки наказуемы только при наличии намерения, ненамеренные деяния (неосторожность, небрежность и осознанное создание опасности для другого) могут быть признаны проступками в случаях, прямо предусмотренных законом. В части же нарушений (*contraventions*) устанавливать вину не требовалось и не требуется по

сей день, она презюмируется, защите предоставлена возможность доказывать непреодолимую силу аналогично тому, как это происходит в нашем арбитражном процессе в случае неисполнения обязательства предпринимателем.

Первая реформа была проведена законом от 13.05.1996 и направлена на конкретизацию понятия ненамеренной вины⁸ в отношении прежде всего деяний должностных лиц органов местного самоуправления и государственных служащих⁹. Для политического сознания французов характерен этатизм, публичным властям дают широкие полномочия, но при этом много от них требуют, возлагая ответственность, в частности, за безопасность населения. В итоге, к примеру, должность руководителя органа местного самоуправления связана с высоким

⁶ При этом всякое преступление, в том числе и неосторожное, требует установления «общего умысла» (*dolus generalis*), деяние должно быть осознанным и волевым, что рассматривается в рамках «психического элемента» преступления. В российской доктрине осознанный и волевой характер деяния принято рассматривать в рамках объективной стороны преступления, за рамками вины. При этом во Франции осознанность деяния понимается не только как осознание фактических обстоятельств, но и как осознание противоправности. Далее работает (не без исключений) правило о том, что никто не должен игнорировать закон, незнание закона не оправдывает, а волевой характер деяния устанавливается на основе объективных обстоятельств.

⁷ Правильным представляется называть *code pénal* на русском языке не «уголовным кодексом», а «кодексом о наказаниях». Есть кодексы о наказаниях (французский *code pénal*; *penal code* в большинстве правовых систем общего права; немецкий *Strafgesetzbuch*; итальянский *codice penale*; испанский *código penal*; чешский *trestní zákoník*; польский *kodeks karny*; болгарский «наказателен кодекс»; турецкий *ceza kanunu*), реже встречаются кодексы о преступлениях (например, канадский *criminal code*; шведский *brottsbalk*; финский *rikoslaki*; сербский «кривични законик»; украинский «кримінальний кодекс»; белорусский «крымінальны кодэкс»; казахский қылмыстық кодексі). Есть и комплексное решение — киргизский кодекс о преступлениях и наказаниях (кылмыш-жаза кодекси). «Уголовный» кодекс (произошедший от «уголовного» наказания, когда преступник отвечает «головой», в том числе не без влияния латинского *roena capitalis*) — это особенность русской терминологии. Оценивая влияние латинской терминологии на русскую, следует учитывать не только XVIII и XIX вв., когда влияние это было опосредовано Западной Европой, но и непосредственное влияние византийского права (Прохирина, в частности) после крещения Руси. На Западе отголосок латинского «уголовного» (*capitalis*) сохранился в английском названии смертной казни — *capital punishment*. В этом контексте термин «уголовный проступок» представляется неудачным. К примеру, российское Уложение 1845 г. различало наказания уголовные и исправительные. Уголовные (смертная казнь, каторга и др.) влекли «лишение всех прав состояния» вслед за латинской *roena capitalis*, которая означала не только утрату головы, но и лишение гражданства.

⁸ *Loi /1 96-393 du 13 mai 1996 relative à la responsabilité pénale pour des faits d'imprudence ou de négligence // JORF n°112 du 14 mai 1996.*

⁹ В связи с этим реформы иногда жестко критикуются, в том числе и в академической литературе. Делается вывод, что власть имущие пролоббировали закон сугубо в собственных интересах. См., например: *Rassat M. L. Droit pénal spécial. Paris, 2018. P. 434 ; Sériaux A. L'appréciation de la faute pénale d'imprudence en droit français contemporain // Revue de science criminelle et de droit pénal comparé. 2017/2 (№ 2).*

риском уголовного преследования за упущения по существу незначительные, но обусловившие тяжкие последствия, что и стало непосредственной причиной реформы. Было установлено, что, если деяние представляет собой неисполнение обязанности относительно осмотрительности или безопасности, эта конкретная обязанность должна быть прямо предусмотрена законодательством. Кроме того, было указано, что для ненамеренной вины нужно, чтобы лицо не проявило должного усердия с учетом, где это возможно, существа его миссии и функций, навыков и возможностей. Соответствующие изменения были внесены и в законодательство о местном самоуправлении и государственной службе. Причинную связь эта первая реформа прямо не затрагивала, просто было конкретизировано понятие вины при отсутствии намерения и осознанного поставления в опасность.

Вторая реформа проведена законом от 10.07.2000¹⁰, устранившим по общему правилу уголовную ответственность за ненамеренные преступления (за рамками осознанного поставления в опасность) в случае не прямой причинной связи (*causalité indirecte*). При таких обстоятельствах для ответственности требуется уже не простая ненамеренная вина, а вина квалифицированная (*faute qualifiée*).

Позитивное право

В действующей редакции абзац первый ст. 121-3 по-прежнему постулирует общее правило: «Нет

преступления (*crime*) и проступка (*délit*) без намерения (*intention*) совершить его». Абзацы второй, третий и четвертый предусматривают исключения из общего правила для проступков (*délit*), когда ответственность наступает за ненамеренные преступления.

В абзаце втором констатируется, что в случаях, когда это предусмотрено законом, проступком (*délit*) признается осознанное (*délibérée*) создание опасности для другого лица. Такое преступление уже не рассматривается в качестве «намеренного», хотя в нашем понимании подобные деяния могут совершаться и с умыслом, в том числе с прямым¹¹.

Прочей ненамеренной форме вины (за рамками осознанного создания опасности) посвящены абзацы третий и четвертый, где законом и установлена дифференциация ответственности за ненамеренные проступки в зависимости от вида причинной связи.

В третьем абзаце определены общие критерии наказуемости ненамеренных преступлений с учетом реформы 1996 г. Они наказуемы только в случаях, прямо предусмотренных законом:

- 1) безрассудства¹² (*imprudence*);
- 2) легкомыслия или небрежности (*négligence*);
- 3) нарушения (осознанного или нет) обязанности относительно осмотрительности или безопасности, установленной законодательством¹³.

При этом должно быть установлено, что лицо не проявило нормальное усердие, принимая во внимание, где это возможно, существо его миссии и функций, его навыки, а также силы и средства, находящиеся в его распоряжении.

¹⁰ Loi /1 2000-647 du 10 juillet 2000 tendant à préciser la définition des délits non intentionnels // JORF n°159 du 11 juillet 2000.

¹¹ Речь идет не только о составах опасности в нашем понимании, но и о материальных составах, например о преступлениях, в нашем понимании совершаемых с косвенным умыслом или по легкомыслию при грубой неосторожности. В этом контексте речь идет о психическом отношении, сходном с *recklessness* в семье общего права.

¹² Нужно учитывать, что строгого определения видов ненамеренной вины нет во французской доктрине. Поэтому *imprudence* можно перевести и как «ненамеренная вина» (родовое понятие); применительно к некоторым ситуациям это слово может использоваться и для обозначения умысла в нашем понимании, причем не только косвенного, но и прямого (при осознанном поставлении в опасность, если правонарушение «формальное» и причинения вреда не требуется, как это определено в абзаце втором ст. 121-3).

¹³ Положения о ненамеренной вине в результате реформы 1996 г. в общей и особенной части кодекса оказались несогласованными. В особенной части в качестве одного из видов ненамеренной вины указана

Абзац четвертый исключает уголовную ответственность физических лиц (но не юридических) в случаях, указанных в абзаце третьем, при определенных обстоятельствах, если причинная связь была не прямой. Тут впервые законодатель регламентировал уголовно-правовое значение вида причинной связи, ограничив вменение последствий для преступлений, совершенных без намерения причинить вред. Закон дифференцировал прямую (*directe*) и непрямую (*indirecte*) причинную связь, во втором случае лицо непосредственно вред не причинило, но создало или способствовало созданию ситуации, обусловившей причинение вреда, или не приняло мер к его предотвращению. При прямом причинении по-прежнему работает теория эквивалентности условий. Косвенное же причинение вреда при отсутствии намерения и осознанного создания опасности по общему правилу для физических лиц ненаказуемо, для них уголовная ответственность наступает лишь в двух ситуациях:

- 1) лицо явно осознанно (*manifestement délibérée*) нарушило обязанность относительно осмотрительности или безопасности, установленную законодательством;
- 2) оно совершило серьезный проступок, который подверг других особо опасному риску, который нельзя было игнорировать.

В первом случае, таким образом, используется отвергнутая российской доктриной концепция «смешанной вины», осознанное нарушение

правил становится существенным признаком преступления, сопряженного с ненамеренным причинением вреда.

Во втором преобладает оценка упречности содеянного — серьезный проступок (*faute caractérisée*), особо опасный риск (*risque d'une particulière gravité*).

Принципиальное значение в контексте причинной связи имеет различие прямой причинной связи и причинной связи непрямой, а также ненаказуемость по общему правилу для физического лица ненамеренного причинения вреда при отсутствии прямой причинной связи.

Ранее господствовавшая в отношении всех преступлений независимо от формы вины теория эквивалентности влекла чрезмерно широкое применение репрессии и была лишь в редких случаях ограничена теорией адекватной причинности¹⁴. В итоге от уголовного преследования за рамками здравого смысла страдали лица, наделенные широкими полномочиями.

6 июля 1995 г. ученики брестского колледжа Святого Марка (41 человек) в сопровождении трех учителей отправились на экскурсию на остров Уэсан у входа в Ла-Манш. Они ехали на велосипедах по прибрежной дорожке на краю обрыва. 15-летний подросток спешил, чтобы объехать камни в опасном месте; вновь садясь на велосипед, он потерял равновесие, упал с высоты около 20 м и погиб. За причинение смерти по неосторожности были осуждены учитель и Мишель Мальгорн, бывшая мэром

maladresse (условно это можно перевести как оплошность), которая в ст. 121-3 не упоминается. Речь идет об осуществлении какой-либо деятельности, требующей особой квалификации (профессиональной или иной, например, охоты) с нарушением разумных правил предосторожности. Вопрос о данном виде ненамеренной вины был дискуссионным и в итоге законодательно решен не был. Практика исходит из того, что сама по себе оплошность наказуема при условии, если есть по меньшей мере признаки *négligence* (Crim. 29 juin 1999, Bull. 161). Вопрос об отграничении оплошности от иных видов ненамеренной вины обычно ставится в контексте осознанности лицом риска, который он создает для окружающих. В этом контексте оплошность можно было бы ассоциировать с небрежностью в нашем понимании. Наряду с оплошностью в качестве особого ее вида, в особенной части упомянута также невнимательность (*inattention*). Строгого логического разграничения видов ненамеренной вины во французской доктрине не выработано, тем не менее обвинение и суд обязаны указать, какой именно вид ненамеренной вины вменяется. Слова при этом используются в том смысле, который вкладывает в них живой язык с учетом выработанных практикой казуистических штампов.

¹⁴ Отправной точкой этой теории является адекватность, предсказуемость, типичность и вероятность последствий в момент совершения деяния.

Уэсана, наказание было назначено в виде трех месяцев лишения свободы. Мальгорн было вменено бездействие за то, что она не установила дорожные знаки, запрещающие езду на велосипедах по опасным дорожкам. Дело имело общественный резонанс, что побудило группу сенаторов внести в парламент законопроект, ставший в итоге законом от 10.07.2000. После вступления закона в силу приговор был обжалован, учителям наказание смягчили, заменив лишение свободы штрафом, М. Мальгорн была оправдана. Апелляционный суд исходил из того, что причинная связь была не прямой и хотя М. Мальгорн и способствовала созданию ситуации, обусловившей гибель подростка, не приняв мер к ее предотвращению, но не совершила серьезного проступка (*faute caractérisée*). При этом отсутствовало с ее стороны и «явно осознанное» нарушение обязанности относительно безопасности, установленной законодательством.

В части новой французской концепции причинности можно предположить влияние идей семьи общего права. Ранее во Франции теория эквивалентности в незначительной степени и в редких случаях уступала теории адекватной причинности (заимствованной в Германии), как правило, в ее субъективной интерпретации, возможность предвидения последствий в момент совершения деяния могла иметь значение для решения вопроса о наличии причинной связи¹⁵. В новом законодательном решении внимание акцентировано не на типичных связях и вероятностях в контексте адекватной причинности, а на грубости правонарушения с учетом в том числе и психического отношения лица к деянию. Законодательно установлено, что наряду с прямой причинной связью возможно создание

условий для причинения вреда и непринятие мер к его предотвращению, что прямой причиной не является и заслуживает наказания лишь при наличии особых обстоятельств. Причины и условия больше не эквивалентны, при наличии нескольких условий прямой причиной признается наиболее близкая по времени к результату, в противном случае для вменения последствий требуются дополнительные условия.

Сравнение

В практическом преломлении различие прямой и не прямой причинной связи сходно с концепцией непосредственной (*proximate*) причины, выработанной в семье общего права. Исходный пункт этой теории в том, что развитие юридически значимой причинной связи может быть прервано новой привходящей причиной (*novus actus interveniens*), чаще всего деянием другого человека. В отличие от Англии, сложной юридической доктрины причинности, основанной на прецедентном праве, во Франции не выработано, по прошествии более 20 лет после реформы вменение не прямой причинной связи остается предметом оценки при отсутствии общепринятых строгих критериев¹⁶. Пока можно сделать вывод лишь о расширении границ судейского (и не только судейского, без прокурора дело в суд не попадет) усмотрения при вменении физическому лицу вреда, причиненного им без намерения, если причинная связь не является прямой. При этом, в отличие от Англии, внимание акцентируется не на объективных обстоятельствах (хотя само уже различие связей прямых и не прямых основано на исследовании объективных фактов), а на упре-

¹⁵ См., например: *Merle R.* Manuel de droit pénal général complémentaire. Paris, 1957. P. 170 ff.

Влияние теории адекватной причинности в уголовном праве всегда было незначительным. В современной учебной литературе по уголовному праву она вообще может не упоминаться. См.: *Boulloc B.* Droit pénal général. Paris, 2013. P. 262. Тем не менее в практике имели место случаи следования этой теории, как правило, критикуемые правоведами. Водитель автомобиля сбил водителя мопеда, не причинив серьезного вреда здоровью, тот в гневе начал преследовать автомобиль, переволновался и в итоге умер от сердечного приступа. Обвиняемый оправдан ввиду отсутствия причинной связи (Crim. 25 avril 1967, Bull. 129).

¹⁶ При этом теоретическое осмысление проблемы ведется в том числе и на монографическом уровне, см.: *Bon P.-A.* La causalité en droit pénal. Poitiers, 2006.

ности поведения лица, факте осознания им нарушения правил и оценке грубости допущенной ошибки, если явно осознанное нарушение законодательства не имело места. В этом контексте наблюдается некоторая формализация в сравнении с критерием предосудительности (*blameable, wrongful*) деяния, необходимым для установления значимой для уголовного права причинной связи по английскому праву.

Комплексное осмысление вины и причинной связи, в частности правило, согласно которому любой вред, причиненный с намерением, вменяется при минимальных критериях причинной связи (*conditio sine qua non* недостаточно), дает ряд преимуществ. К примеру, теория «отклонения действия» (*aberratio ictus*) становится неактуальной и решается в соответствии со здравым смыслом, который не позволяет придавать определяющее значение при квалификации преступлений несущественным обстоятельствам. Если преступник по ошибке (неточности) убивает не того, кого намерен был убить, желаемая жертва сохраняет жизнь, налицо все признаки оконченного убийства — деяние, последствие (смерть человека) и умысел, направленный на причинение смерти человеку¹⁷. Уголовный закон охраняет не жизнь конкретного человека, а жизнь человека любого, поэтому

ошибка в личности потерпевшего существенного значения иметь не может, потребность в выдумывании искусственной совокупности преступлений в виде покушения на убийство и неумышленного причинения смерти отсутствует¹⁸. Такой подход характерен не только для французской доктрины, но и для правовых систем семьи общего права, которые исходят из того, что желаемый результат никогда не бывает слишком отдаленным, а от теории «отклонения действия» при этом позволяет отказаться концепция «перенесенного злого умысла» (*transferred malice*).

Не должна влиять на квалификацию и ошибка в развитии причинной связи: если есть вред и причинная связь деяния с вредом — этого достаточно для квалификации оконченного преступления, если закон определенно не предусматривает какое-либо особое развитие причинной связи, которое должно быть осознано причинителем вреда.

В российской доктрине и практике для установления причинной связи не требуется ни английская предосудительность деяния, ни французские (при непрямой причинной связи) 1) явно осознанное нарушение законодательства или, при отсутствии такового, 2) особая предосудительность деяния (серьезность про-

¹⁷ В теории вопрос остается небесспорным. М.-Л. Расса, к примеру, критикует такой подход: «Судебная практика отказывается принимать во внимание фактическую ошибку относительно личности потерпевшего, что в этом случае не является дискуссионным. Возможны два типа фактических ошибок: хотят убить Пьера, а Поль появляется и попадает под удар; хотят убить Пьера, но, целясь в него, делают оплошность и попадают в Поля. В хорошей юридической логике мы оказываемся перед лицом... совокупности преступлений: покушение на убийство... Пьера и оконченное убийство Поля. Судебная практика всегда отказывалась принимать во внимание эти тонкости и трактует рассматриваемую ситуацию как одно преступление, совершенное в отношении лица, фактически пострадавшего, но с учетом обстоятельств, которые учитывались бы при убийстве желаемого лица... Всё это юридически неоправданно» (*Rassat M.-L. Droit pénal spécial. Paris, 2018. P. 380*).

¹⁸ Для России этот вопрос даже более актуален, поскольку в России, в отличие от Франции, признается косвенный умысел, при этом при квалификации убийств учитывается «общеопасный способ». Следуя неверной теории «отклонения действия» в типичной ситуации, когда лицо осознает, что в направлении выстрела находится «хотя бы еще одно лицо», т.е. осознает общеопасный способ в смысле п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1, одно по существу убийство следовало бы квалифицировать как два убийства, совершенных общеопасным способом, одно из которых оконченное, а второе — покушение. Осознание общеопасного способа убийства исключает возможность понимания содеянного в качестве причинения смерти по неосторожности, как минимум косвенный умысел может быть установлен.

ступка и особая опасность риска). В. Н. Кудрявцев предлагал при установлении причинной связи учитывать «объективную опасность» деяния уже в момент его совершения¹⁹, но эта теория так и не была внедрена в практику. В российских приговорах (в том числе и в небесспорных случаях) причинная связь иногда просто определяется как «прямая» или «непосредственная», чаще же вопрос о причинной связи и вовсе разрешается интуитивно, без какого-либо обоснования²⁰. В теории же, как отмечено, наметился отход от концепции необходимого причинения в направлении эквивалентности условий. При этом в судебной и даже законодательной практике метод исключения иногда игнорируется. В целом можно констатировать некоторую деградацию нашей уголовно-правовой доктрины даже в сравнении с советской.

В качестве примера можно привести Федеральный закон от 07.06.2017 № 120-ФЗ²¹, установивший уголовную ответственность за склонение к самоубийству, при этом часть 4 ст. 110¹ УК РФ предусмотрела наказание за это деяние, повлекшее самоубийство или покушение на него. Норма эта применяется при отсутствии признаков доведения до самоубийства (т.е. при отсутствии угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства), наказание при этом более строгое (от 2 до 6 лет лишения свободы за доведение до самоубийства по ч. 1 ст. 110; от 5 до 10 лет — по ч. 4 ст. 110¹). Станным образом угрозы и тому подобное стали смягчающим обстоятельством, влекущим существенное смягчение наказания за доведение до самоубийства. Очевидно, что для ст. 110 УК РФ необходима причинная связь угроз и т.п. с самоубийством. Это менее очевидно для ч. 4 ст. 110¹, где деяние «повлекло» самоубийство. Действительно, возможность

причинной связи между склонением к самоубийству и самоубийством вызывает серьезные сомнения, в особенности если нет ни угроз, ни жестокого обращения. Причиной самоубийства в такой ситуации может быть что-то иное, например проблемы с психикой потерпевшего. Есть мнение, что в ст. 110¹ речь идет не о причинной связи в строгом смысле этого слова, а о некой «обуславливающей» связи, для которой установление причинной связи уже не требуется. Таким образом, заложена мина под все материальные составы преступления, вопрос открыт: о какой именно связи идет речь — о причинной или об «обуславливающей» в каждой конкретной статье закона? К примеру, часть 3 ст. 264 УК РФ предусматривает наказание для водителя за нарушение правил дорожного движения, «повлекшее» смерть человека. Означает ли это, что другой водитель, правил дорожного движения не нарушивший, подлежит уголовной ответственности по ст. 105 за убийство, т.к. он, выехав на дорогу, тем самым «обусловил» смерть потерпевшего, действуя с косвенным умыслом, будучи вменяемым и осознавая, что, управляя источником повышенной опасности, с неизбежностью ставит в опасность жизнь других людей. Означает ли это, что уголовной ответственности за убийство подлежат мать и отец водителя, его зачавшие, производители и продавцы автомобиля, супруга водителя, разрешившая ему купить автомобиль за счет совместного имущества, нажитого в браке, и должностное лицо, выдавшее водительское удостоверение? Здравый смысл позволяет интуитивно дать отрицательный ответ на эти вопросы, но не всегда интуиции достаточно, есть сложные для осознания составы преступлений, например экономических, и их количество стремительно растет²².

¹⁹ Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. М., 1960. С. 207.

²⁰ Соктоев З. Б. Причинность и объективная сторона преступления. М., 2015. С. 72–73.

²¹ СЗ РФ. 2017. № 24. Ст. 3489.

²² Один из наиболее опасных в этом аспекте законопроектов — проект № 848246-7, принятый в первом чтении Государственной Думой 15 декабря 2021 г. Проект предусматривает внести изменения в ст. 178 УК РФ, устанавливающую ответственность в том числе за заключение картеля и участие в нем, повлекшее извлечение дохода в крупном размере. При этом в примечании к статье установлено: «Под доходом в настоящей статье признается выручка от реализации товаров (выполнения работ, оказания услуг),

В этом контексте удивляют наши дискуссии в части уголовной ответственности за вред, причиненный беспилотными автомобилями, попытка возложить уголовную ответственность за причинение этого вреда на их разработчиков и производителей. Очевидно, что беспилотные автомобили, как и управляемые человеком, являются источником повышенной опасности, под их колесами неизбежно будут гибнуть люди, больше или меньше, чем сейчас, — ответ на этот вопрос нам пока неизвестен, и вопрос этот технический, а не юридический. Вопрос об ответственности за причиненный вред при таких обстоятельствах в большей мере относится не к уголовному, а к административному праву. Если такие средства не будут запрещены и если не будут нарушены какие-либо обязательные правила, установленные для ограждения общественной безопасности, — ответственность разработчиков и производителей будет исключена ввиду отсутствия причинной связи. При отсутствии причинной связи вопрос о вине ставить некорректно. Можно предположить с большой вероятностью, что со временем, по мере широкого внедрения беспилотных автомобилей (если это произойдет), в правила дорожного движения будут внесены изменения и пешеход обязан будет уступать дорогу транспортному средству, как это давно уже установлено на железнодорожном транспорте. Что касается гражданской ответственности, ее будет нести, как и в наше время, владелец источника повышенной опасности, т.е. не разработчик и производитель, а лицо, приобретшее источник повышенной опасности и эксплуатирующее его.

Рассмотрим другие хрестоматийные примеры:

1) взрослый склонил к самоубийству малолетнего или лицо, страдающее тяжким расстройством психики. С точки зрения классической теории это убийство (п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ), посредственное причинение смерти,

налицо все признаки состава преступления, возможно пожизненное лишение свободы. Можно предположить тем не менее, что по новому закону это уже не убийство, а доведение до самоубийства, которое квалифицируется по ст. 110 или 110¹, в зависимости от того, имели ли место угрозы и т.п., при этом наказывается оно гораздо мягче;

2) человека взрослого и вменяемого принудили к самоубийству, подавив его волю, например угрозой расправы с его ребенком или пытками. С точки зрения классической теории это опять же убийство.

Но зачем в таком случае нужны статьи 110 и 110¹? Изначально статья 110 нужна была в ситуации, когда отсутствовали признаки убийства, когда воля потерпевшего не была подавлена полностью, при этом на него оказывалось серьезное давление, которое действительно в редких случаях (как правило, в закрытых группах, откуда нельзя уйти) могло стать причиной самоубийства. Более того, в литературе была широко представлена небесспорная точка зрения, согласно которой статья 110 может применяться только при отсутствии прямого умысла, направленного на лишение жизни, в противном случае содеянное рекомендовалось квалифицировать как убийство (даже если воля потерпевшего не была подавлена принуждением). Статья же 110¹ предусмотрела ответственность за простое склонение к самоубийству, что не требует криминализации, и, по-видимому, смягчила наказание за убийство при посредственном причинении смерти. Самоубийство запрещено представителям некоторых религиозных конфессий, для прочих же людей оно не всегда является злом, поэтому и наказывать за склонение к самоубийству нельзя. Христианству (не пораженному ересью), к примеру, чуждо насильственное приобщение к Вере, Вера — это не формальная принадлежность к организации, а свободный выбор человека, «ибо много

извлеченная всеми участниками ограничивающего конкуренцию соглашения без вычета произведенных расходов». Таким образом, причинная связь между противоправным деянием (заключением картеля и участием в нем) и доходом подменяется причинной связью между предпринимательской деятельностью и доходом от нее. В случае успеха законопроекта можно ожидать подмену причинной связи связью «обуславливающей» и в других составах преступления.

званных, а мало избранных»²³. При этом для ч. 1 ст. 110¹ не требуется намерения склонить потерпевшего к самоубийству, это может быть просто предложение для размышления, оскорбление или шутка. Ведь если самоубийство является желанным результатом — деяние следует квалифицировать не по ч. 1, а по ч. 4 в качестве покушения.

Заключение

Учение о причинной связи — это фундамент уголовно-правовой доктрины, который требует бережного к себе отношения. Фундамент этот хрупкий и довольно сложный. Будучи достижением правовой культуры, он разрушается по мере ее деградации, что губительно для правопорядка.

Однозначно можно сделать вывод о том, что теория эквивалентности условий недостаточна для установления причинной связи, если отсутствует прямой умысел, направленный на причинение вреда. Конечно же, метод исключения должен оставаться первым этапом в установлении причинной связи, но его недостаточно. При этом теория адекватной причинности не решает проблему, поскольку причинная связь в некоторых случаях может быть и нетипичной, что относится по крайней мере к преднамеренному причинению вреда, вопрос же о причинении вреда по неосторожности и с косвенным умыслом заслуживает дискуссии. Представляется, что это вопрос уголовной политики, а не естественных наук.

Пример Франции показывает, что вопрос этот может решаться в том числе и законодательным путем. Во всяком случае, нужно обеспечить по возможности единообразное понимание причинной связи, исключить произвол и необоснованное расширение уголовной репрессии, к чему ведет внедрение концепции эквивалентности условий. Советская теория необходимого причинения позволяла констатировать, что метода исключения недостаточно, в чем и содержится ее разумное зерно. Она продвигалась как

материалистическая, научная теория, основанная на марксистской философии, что неверно, поскольку метод исключения — это всего лишь мысленный эксперимент, основанный не на науке, а на мировоззрении конкретного человека. В науке можно исследовать эмпирически вероятность наступления тех или иных последствий, судить об их типичности, теория адекватной причинности могла бы получить математический аппарат. Но для уголовного права такой инструментарий непригоден в силу принципа, согласно которому все неустранимые сомнения должны толковаться в пользу обвиняемого. Если вероятность составит, к примеру, 99 %, то 1 % составят неустранимые сомнения.

Теория необходимого причинения основывалась на спекуляции с категориями материалистической диалектики, различении необходимого и случайного, абстрактной и реальной возможности, по существу, это вариант теории адекватной причинности. Рассмотрим простой пример: преступник, плохо владевший оружием, с умыслом, направленным на убийство, выстрелил в потерпевшего с большого расстояния и убил его, что было маловероятным с учетом большого расстояния и отсутствия навыков владения оружием. Интуиция и здравый смысл подсказывают, что причинная связь очевидна, но поможет ли нам теория необходимого причинения устранить сомнения относительно причинной связи? Полагаю, что нет. Таким образом, вопрос о причинной связи в российском уголовном праве остается нерешенным, ситуация при этом усугубляется, в том числе на уровне уголовной политики и законодательства.

Конечно же, выработать пригодную для всех случаев «научную» теорию, которая позволит достоверно установить наличие или отсутствие причинной связи, не получится. Потребность более скромная — определить простыми и понятными, подходящими для практики словами признаки причинной связи, пригодные для реального уголовного судопроизводства. При этом, поскольку вопрос о причинной связи — это вопрос факта, факт этот при наличии сомнений требует доказывания, правило о

²³ Мф. 22:14 ; Лк. 14:24.

толковании неустрашимых сомнений в пользу обвиняемого остается в силе. Познание юридически значимой причинной связи должно быть доступно не только философам и правоведам, но и рядовым обывателям, принимающим решения, например, в качестве присяжных заседателей. Оно должно быть доступно любому вменяемому человеку, который рискует стать обвиняемым. Причинная связь в праве не может быть установлена методами исключительно естественных наук, это категория не научная, а мировоззренческая. В основе права

лежит этический минимум²⁴, который должен быть приемлем как для материалистов, так и для идеалистов, как для людей верующих, так и для безбожников, поскольку свобода совести и вероисповедания гарантирована законом. Работа по уяснению юридически значимых признаков причинной связи в России ведется; можно отметить, к примеру, серьезное исследование З. Б. Соктоева²⁵, но пока еще предложенные критерии причинной связи недостаточно просты и понятны для практического их внедрения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Еллинек Г.* Социально-этическое значение права, неправды и наказания. — М., 1910. — 148 с.
2. *Клепицкий И. А.* Причинная связь в уголовном праве Англии // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2022. — № 10. — С. 96–110.
3. *Крылова Н. С., Еремин В. Н., Игнатова М. И., Серебренникова А. В.* Уголовное право зарубежных стран : в 3 т. Т. 2 : Общая часть. Франция. Германия. Италия. Япония. — М., 2022. — 263 с.
4. *Кудрявцев В. Н.* Объективная сторона преступления. — М., 1960. — 244 с.
5. Курс советского уголовного права : в 6 т. / под ред. А. А. Пионтковского, П. С. Ромашкина, В. М. Чихвадзе. — М., 1970. — 546 с.
6. *Малинин В. Б.* Причинная связь в уголовном праве. — СПб., 2000. — 316 с.
7. *Соктоев З. Б.* Причинность и объективная сторона преступления. — М., 2015. — 256 с.
8. *Bon P.-A.* La causalité en droit pénal. — Poitiers, 2006. — 369 p.
9. *Bouloc B.* Droit pénal général. — Paris, 2013. — 742 p.
10. *Merle R.* Manuel de droit pénal général complémentaire. — Paris, 1957. — 411 p.
11. *Rassat M.-L.* Droit pénal spécial. — Paris, 2018. — 1381 p.
12. *Sériaux A.* L'appréciation de la faute pénale d'imprudance en droit français contemporain // Revue de science criminelle et de droit pénal comparé. — 2017. — № 2. — P. 231–246.

Материал поступил в редакцию 10 октября 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Ellinek G. Sotsialno-eticheskoe znachenie prava, nepravdy i nakazaniya. — M., 1910. — 148 s.
2. Klepitskiy I. A. Prichinnaya svyaz v ugovnom prave Anglii // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). — 2022. — № 10. — S. 96–110.
3. Krylova N. S., Eremin V. N., Ignatova M. I., Serebrennikova A. V. Uголовное право zarubezhnykh stran: v 3 t. T. 2: Obshchaya chast. Frantsiya. Germaniya. Italiya. Yaponiya. — M., 2022. — 263 s.
4. Kudryavtsev V. N. Obektivnaya storona prestupleniya. — M., 1960. — 244 s.

²⁴ *Еллинек Г.* Социально-этическое значение права, неправды и наказания. М., 1910. С. 48.

²⁵ *Соктоев З. Б.* Причинность и объективная сторона преступления.

5. Kurs sovetskogo ugodovnogo prava: v 6 t. / pod red. A. A. Piontkovskogo, P. S. Romashkina, V. M. Chkhikvadze. — M., 1970. — 546 s.
6. Malinin V. B. Prichinnaya svyaz v ugodovnom prave. — SPb., 2000. — 316 s.
7. Soktoev Z. B. Prichinnost i obektivnaya storona prestupleniya. — M., 2015. — 256 s.
8. Bon P.-A. La causalité en droit pénal. — Poitiers, 2006. — 369 p.
9. Bouloc B. Droit pénal général. — Paris, 2013. — 742 p.
10. Merle R. Manuel de droit pénal général complémentaire. — Paris, 1957. — 411 p.
11. Rassat M.-L. Droit pénal spécial. — Paris, 2018. — 1381 p.
12. Sériaux A. L'appréciation de la faute pénale d'imprudence en droit français contemporain // Revue de science criminelle et de droit pénal comparé. — 2017. — № 2. — P. 231–246.